

СВЯТЫЕ ИЛИ НЕСВЯТЫЕ 90-Е?

Каждая эпоха, каждая цивилизация, каждая суверенная (как принято сегодня выражаться) культура требует своих летописей и своих летописцев.

Прерванная связь времен — что у Шекспира, что у античных авторов, что у древних китайцев — самое ужасное, что может произойти с человеческим обществом. Именно летописи и сохраняют ткань нашей истории, связывают нити явлений, удерживают сочленения и позвонки столетий. Шекспировский joint — это ведь не про джойнт и легалайз, о которых, хихикнув, сразу подумает современный молодой человек, а про связи и суставы. Out of joint — это вывих. Именно вывих, именно разрыв временных связей мы и пережили в 90-е.

Теряя промышленность, армию, социальный уклад, социальную солидарность, архитектуру, кинематограф, местную авиацию, сельское хозяйство, политическую независимость, теряя народ (во всех смыслах — от демографического вырождения до морального) мы оказались на самом краю пропасти. Но выжили. И сегодня во всех вышеперечисленных областях, есть как минимум, надежда, а где-то уже и реальный рост, развитие.

Книга Евгения Фатеева — не аналитический сборник, не экспертиза отраслей народного хозяйства, не наукоподобное умствование. Это живой, искренний, чувственный, страстный очерк о важнейшем для всех нас времени.

Почему это время важнейшее? Потому, что 90-е — это настоящая, полноценная революция. Не радикальная внешне,

со свержением и расстрелом царской династии, уничтожением целых классов, как в 1917 году. Но не менее радикальная по сути, меняющая не только политический строй, но и претендующая на полную смену менталитета и уклада. Революция, в который уж раз, бросающая Россию в водоворот смуты.

Круги, воронки этой смуты активны и сегодня. Да, в обществе сложилось негативное отношение к событиям 90-х, но что дальше? Как избежать «контрреформации», которая, как показывает мировая история, может оказаться еще более разрушительной, еще более опасной?

Ответ прост, банален и, увы, трудновыполним... Но мы должны справиться, мы должны осознать, что ответ — в честном, искреннем летописании. В рефлексии. В осмыслении. Мы должны победить не только в экономических и политических войнах, но и в борьбе летописей, в борьбе исторических, научных и художественных образов. И книга Евгения Фатеева дает надежду на эту победу. Она выполняет важнейшую функцию — описание недавнего времени.

Это второй довод про важность феноменологии 90-х. Не только потому что это время революционное, но и потому что 90-е — время недавнее. Уже не сегодня, но еще не история, уже не репортаж, но еще не наука о прошлом. Значит именно в этой точке наступает время исследований, рефлексии, разборок. Пусть эмоциональных, ярых, как оценки Фатеева, но искренних и компетентных разборок.

Размышления умных людей о недавнем времени — важнейший для культуры жанр. В этом жанре, кстати, политика и идеология часто уступают феноменологии. Наверное потому, что читатель, как правило, политически подготовлен лучше, чем мифологически. Давайте представим, к примеру, читателя великой книги Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским». Для меня очевидно, что этот читатель имеет уже сложившееся отношение к советскому строю. А вот сравнение здания ленинградского КГБ с архитектурой Пиранези или описание жизни дома Анны Ахматовой в Комарове интересно и нам, и ровесникам Бродского.

Такая же история, по моему мнению, со всеми талантливыми книгами этого жанра и этого хронологического приема — хоть с «Разговорами с Гете» Эккертмана, хоть с книгами исследователей «советского мифа» — Александра Гениса, Петра Вайля, Владимира Паперного, феноменологические конструкции которых, повторю, намного интереснее очевидной идеологической ангажированности.

Мне кажется, что книга Фатеева дает потрясающие возможности, служит важнейшим миссиям. Кто-то из читателей легко согласится с категоричным приговором Фатеева в адрес 90-х. Кому-то эта категоричность покажется излишней и некорректной. Я, к примеру, поспорил бы с таким резким делением на «до» и «после». Будучи на несколько лет старше автора книги, я успел и в советской армии послужить, и на заводе поработать, и понаблюдать за комсомолом 80-х, и в студенческих стройотрядах на селе побывать. Было и хорошее в этих опытах, но... Про позднюю советскую архи-

тектуру и поздний советский кинематограф сказать хорошее тоже сложно, даже в сравнении с 90-ми. Можно продолжать и продолжать... Пьянство, нравы, блуд, отношение к абортам в Советском союзе — это позор, за который не только нам, но и следующим поколениям придется отвечать.

Так что картинка про край пропасти конечно уместна, но вопрос, какая тропинка нас привела к этому краю — открыт. Лично я уверен, что главная причина того, что мы заглянули в эту пропасть, не в Горбачеве, Яковлеве, Шеварнадзе и даже не в Хрущеве. Как бы ни умозрительно и абстрактно не выглядели бы для кого-то рассуждения о событиях 17 и 18-го веков, причины катастрофы 90-х — там. И причины сегодняшней нашей боли — тоже там. Нельзя разрывать связи времен. Нельзя выворачивать суставы и позвонки столетий. Без 17-го века нельзя понять 20-й век. Но и без 20-го нельзя сегодня понять ни 17-й век ни 21-й. Поэтому книга Фатеева так нужна. Она не только категорична и субъективна, она уникальна, талантлива, глубока и своевременна. Думаю, в ситуации серьезнейшего дефицита рефлексии, размышлений о 90-х, ей предстоит стать настоящей вехой, отправной точкой.

Не будем же тормозить. У нас есть немного драгоценного времени, чтобы осмыслить 90-е — время, которое формировало нас, наших родителей, нашу страну, наши границы, наши сегодняшние привычки. Его, времени — всегда мало, всегда не хватает. Поэтому надо им дорожить, видеть его чисто и честно. Тогда мы успеем. Успеем победить во внешних и внутренних битвах. Успеем покаяться, попросить прощения за то, что совсем

недавно по историческим меркам мы и наши соотечественники разрушали науку, образование, речной транспорт, предавали Русский Север, допускали шеренги проституток на главных улицах городов и шеренги уродливых поп-звезд поющих под фанеру в телевизоре и на концертах, относились к старикам, детям, офицерам, врачам как к чужим, относились к своему языку как к чужому, верили финансовым пирамидам, терпели Хасавюрт и Буденовск, терпели коррупцию и рэкет, верили глупым рокерам, телеведущим и политехнологам. Попросить прощения за то, что с такой страстью и такой болью описывает Евгений Фатеев в этой книге.

И еще мы должны успеть порадоваться. За нас и наших близких, которые выжили в 90-е, не потеряли ответственности за себя и за детей, узнали Запад и не отдались ему в рабство, вернули достоинство Русской Церкви, вернули огромный пласт русской культуры — от Платонова до Мандельштама, от Бродского до Довлатова, от Константина Леонтьева до Флоренского, сохранили чувство Родины, веру в наш народ, в наше историческое предназначение. Так что будем радоваться и учиться относиться ко всем эпохам, даже к тем, которые подводили нас к краю, как к святыням без кавычек, с любовью.

Эдуард Бояков

ПОЧЕМУ ПРО 90-Е МНОГИЕ БУДУТ МОЛЧАТЬ?

Сегодня начинается реализация политик по реабилитации 90-х годов. Это именно политики. Культурные политики, как минимум. Как это ни чудовищно звучит, но у этих политик есть шансы на успех. Да-да! И это может произойти на глазах у миллионов людей, живших тогда. Кстати, пусть это будет хорошим уроком для тех, кто считает, что факты говорят сами за себя. Это не всегда так. Реальность и действительность не умеют разговаривать. Их всегда интерпретируют. Нет ничего очевидного и самоговорящего. За трактовку реальности нужно бороться. Постоянно. Ежечасно, ежеминутно. Это серьезная и очень нужная работа.

А еще есть шанс на то, что историю 90-х годов переговорят, переинтерпретируют нам же еще и потому, что эти политики имеют весьма прочные основания. Какие?

Прошлое перебирается в настоящее через узкое бутылочное горлышко институтов памяти, а там сейчас часто сидят откровенные подлецы.

90-е годы были временем коллективного изнасилования, нас откровенно и бесстыдно отымели, и многие свидетели того страшного времени ведут себя как жертвы насилия, стараясь изгнать из своей памяти страшные воспоминания.

Самое главное: 90-е годы — это время, когда мы были плохими, это было время, которое показало нас нам же, которое показало нам все самое плохое в нас. Не стоит забывать, что важнейшей функцией, даже миссией такого института как «государство» является защита человека от самого себя. В 90-е годы на какое-то время мы оказались беззащитными. А государство было занято. В итоге из нас полилось все самое плохое, стыдное, — то, о чем не хочется вспоминать.

90-е годы — это переходное время. Диджитальная инфраструктура только-только начала складываться, а потому многое про то время еще не диджитализировано, не оцифровано, а значит, уже забыто. Свидетельства о том времени живут на бумажных

“

**РЕАЛЬНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НЕ УМЕЮТ
РАЗГОВАРИВАТЬ ИХ ВСЕГДА ИНТЕРПРЕТИРУЮТ**

”

страницах, на старых видеокассетах. Впереди большая работа по оцифровке многочисленных свидетельств о том жутком времени.

Сегодняшние активные жители Интернета в 90-е были еще детьми или молодыми людьми, а потому склонны помнить только хорошее. Да и в молодости всегда «девушки красивее, трава зеленее. А солнце светит ярче».

Сегодняшний молодняк у нас — уже плод жуткой системы образования. Они уже неспособны к критическому мышлению, это уже легко манипулируемая масса, ей легко скормить все что угодно, если оно будет определенным образом упаковано.

У сегодняшних апологетов 90-х есть одно страшное оружие: они говорят о «свободе». Вообще, «свобода» — это страшное, кровавое слово, жуткий идол, на алтарь которого были принесены многомиллионные жертвы.

Принесли на этот алтарь и нас. В 90-х. Буквально. И души наших детей. Фигурально.

90-е годы — хороший повод для интеллектуальной гигиены. О них нельзя забывать. Необходим континуум, непрерывность памяти об этом подлом времени, эпохе победившего зла, торжества пошлости и подлости. Мы начинаем длинный проект о 90-х. Свою рубрику я называю «Феноменология 90-х». Поехали!

УНИЧТОЖЕНИЕ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА

В «святые 90-е» каким-то странным образом оказались несовместимыми «свобода», «демократия» и... речной транспорт. В царской России и в СССР речная транспортная инфраструктура была крайне важна. Наша страна буквально была усыпана роскошными дворцами — речными вокзалами. Великие реки были связаны в единую сеть многочисленными каналами. В городках и селах дремали дебаркадеры. Мелкие места и пороги укрывали водохранилищами. Существовало развитое речное судостроение. Создавались новационные даже для нашего времени суда на подводных крыльях и воздушной подушке. Вообще, наша страна — это великий мир внутренней воды, это уникальная речная цивилизация.

Но в 90-е годы все это оказалось ненужным. За постсоветский период объем грузо-

перевозок по внутренним водным путям сократился в 4,6 раз, пассажиропоток — в 7,4 раза. Как написал «Коммерсант» в 2001 году: «Всю постсоветскую историю российского торгового флота можно сравнить с гибелью эскадры». Это касается и морского, и речного флотов.

Эффект катастрофы 90-х для речного судоходства напоминает поражение в страшной и разрушительной войне. Войну, которую многие из нас так и не заметили. Или не хотим замечать сегодня?

Речной транспорт сегодня — это транспортный и экологический хай-тек, к которому был способен советский управленческий класс, умевший планировать, правильно стратегировать, управляться более сложным пониманием эффективности. Именно к этому оказались неспособны одновременно де-

“

**ЗА ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ОБЪЕМ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК
ПО ВНУТРЕННИМ ВОДНЫМ ПУТЯМ СОКРАТИЛСЯ В 4,6
РАЗ, ПАССАЖИРОПОТОК — В 7,4 РАЗА.**

”

градировавшие постсоветские элиты, слившие этот крайне важный, цивилизационно значимый вид транспорта как «неэффективный».

В итоге: «По внутренним путям России перевозится 1,2 процента перемещаемых по стране внутренних грузов. Несколько лет назад в Евросоюзе стали развивать речной транспорт как «приоритетный вид перевозок». В Западной Европе по воде перевозят 11 процентов всего объема внутренних грузов и собираются поднять эту долю до 17 процентов. В Германии этот показатель составляет 11 процентов, в Нидерландах — 34, во Франции — 10. Это неудивительно, так как основное конкурентное преимущество водного транспорта — дешевизна.

Вообще, я уже перестаю удивляться тому, как сегодня вдруг обнаруживается, насколько же толково и правильно что-либо было устроено в советское время. И авоськи, а также многократное использование пластиковых пакетов нашими родителями сегодня оказывается экологически ответственным поведением. И потрясающе развитая система сбора вторсырья тоже восхищает многих сегодня. То же и с речным транспортом. Сегодня мы уже начинаем его возрождение, что будет непросто после 30-летия уничтожения. И стоило ли нам терять эти тридцать лет? И нужно ли было делать этот адский круг самоуничтожения?

О ЖВАЧКЕ И ДЕМОКРАТИИ

“

В СССР ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА БЫЛА ЧЕМ-ТО СТРАННО САКРАЛЬНЫМ. ДАЖЕ СТРАННО И НЕ ОЧЕНЬ ПОНЯТНО, ПОЧЕМУ. ЧТО ТАКОГО В ЭТОМ ДУРАЦКОМ И ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОМ ПРОДУКТЕ?

”

В СССР жевательная резинка была чем-то странно сакральным. Даже странно и не очень понятно, почему. Что такого в этом дурацком и противоестественном продукте? Жвачка была весьма важным и эффективным оружием Холодной войны. Почему-то в советской стране не жевали. У нас жевали сугубо функционально. У нас скорее прожевывали. Но были, как выяснилось, и те, кто хотел жевать вообще, безотносительно, без повода. Демократия и «швабода» у нас оказались неразрывно связанными с вообщежеванием. Эту неразрывность вообщежевания и нашей версии «демократии» нам же предстоит осмыслить. Наша новорожденная жвачная демократия — это безумно интересно!

В 90-е же случилась стремительная десакрализация жвачки. На заметку будущим историкам жвачки в России, а такую историю просто необходимо написать. В 90-е годы произошла непоправимая десакрализация жвачки. Жвачка стремительно превратилась из пластинки в «подушечку». А еще она обернулась в нечто якобы полезное для ротовой полости и организма вообще.

От эпохи жвачки, которая была чем-то большим чем просто жвачка, останутся только измятые вкладыши со спортивными автомобилями, напечатанные на ненадежной бумаге. Эти вкладыши какое-то время будут умилять тех, чье детство прошло в 90-е годы. Но и только.